

КЁНИГ (KÖNIG) против ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

Судебное решение от 28 июня 1979 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Заявитель, гражданин Германии, по профессии врач-отоларинголог, открыл в 1960 г. в Бад-Хомбурге, земля Гессен (ФРГ) собственную клинику; он был единственным практикующим врачом, работающим в клинике, которой сам же руководил и где занимался, в частности, пластической хирургией.

16 октября 1962 г. Региональное медицинское общество обратилось в Медицинский суд при Административном суде Франкфурта с иском о нарушении заявителем профессиональной этики. 9 июля 1964 г. он был признан недостойным заниматься медицинской практикой.

Земельный суд по медицинским профессиям при Высшем земельном административном суде отклонил апелляционную жалобу заявителя. Последнему, в частности, вменялось: производство операций, не связанных с его профессиональной подготовкой; неоправданные обещания в успехе лечения, если клиент соглашается на оплату услуг, не предусмотренных страхованием на случай болезни; выплата денежных вознаграждений тем, кто посылал к нему клиентов; нарушение профессиональных правил в рекламе своей клиники и др.

В 1967 г. у заявителя отозвали разрешение держать клинику, а затем, в 1971 г., и разрешение на занятие медицинской практикой. В 1972 г. против него было возбуждено уголовное преследование за *inter alia* незаконное занятие медицинской практикой.

Поданные заявителем жалобы об отмене решений об отзыве разрешений рассматривались в компетентных административных судах с ноября 1967 г. и с октября 1971 г. соответственно.

В. Разбирательство в Европейской Комиссии по правам человека

Жалоба была подана в Комиссию 3 июля 1973 г. и имела своим предметом длительность разбирательства в судах жалоб заявителя, оспаривавшего отзыв разрешений. Комиссия считала жалобу приемлемой и, установив обстоятельства дела, в докладе от 14 декабря 1976 г. пришла к выводу:

десятью голосами против шести, что статья 6 п. 1 Конвенции подлежит применению в отношении прав, за защитой которых заявитель обратился в административные суды;

девятью голосами против шести, при одном воздержавшемся, что в данном случае имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции.

Доклад Комиссии содержал особые мнения.

Дело было передано в Суд 28 февраля 1978 г. Правительством Федеративной Республики Германии, а 14 марта 1977 г. — Европейской Комиссией по правам человека.

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1 Конвенции

85. Суд напоминает, что ни дисциплинарное преследование д-ра Кёнига привело к рассмотрению дела в профессиональных судах, ни привлечение его к уголовной ответственности не являются в данном случае предметом рассмотрения.

Заявитель жалуется на длительность рассмотрения дел, возбужденных им в Административном суде Франкфурта в связи с отзывом разрешения содержать клинику и заниматься медицинской деятельностью (см. п. 18 выше). Он утверждает, что произошло нарушение статьи 6 п. 1, которая предусматривает:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия”.

Таким образом, Суд призван решить, применима ли статья 6 п. 1 к данному случаю, и если да, то был ли соблюден “разумный срок” в каждом из двух судебных процессов.

(а) О применимости статьи 6 п. 1 Конвенции

86. Большинство Комиссии придерживается той точки зрения, что статья 6 п. 1 применима к правам, на соблюдении которых заявитель настаивал перед Административным судом Франкфурта, а именно праву управлять своей клиникой и праву заниматься медицинской практикой. Комиссия считает, что эти права относятся к “гражданским”. Большинство Комиссии разделилось при этом на две группы, которые пришли к одинаковому выводу при отличающейся аргументации.

Обоснованность этого мнения оспаривается Правительством.

87. Суд отмечает прежде всего неоспоримость того факта, что в соответствии с законодательством Германии спорный вопрос с которым заявитель обратился в германские суды — это спор о “правах”. Различие в точках зрения Комиссии и Правительства лишь в том, затрагивает ли спор по настоящему делу гражданские права в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции?

88. Как Комиссия, так и Правительство согласны, что понятие “гражданские права и обязанности” не может толковаться исключительно в свете внутреннего законодательства государства-ответчика.

Проблема толкования понятий, используемых в Конвенции, в сравнении с их смыслом во внутреннем законодательстве уже несколько раз возникла перед Судом. Так, он пришел к выводу, что используемый в статье 6 п. 1 термин “обвинение” следует понимать в “смысле настоящей Конвенции” (решение по делу Неймастера от 27 июня 1968 г. Серия А, т. 8, с. 41, п. 18; см. также решение по делу Вемхоффа от 27 июня 1968 г. Серия А, т. 7, с. 26—27, п. 19; решение по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. Серия А, т. 13, с. 45, п. 110; решение по делу *Энгель и другие* от 8 июня 1976 г., Серия А, т. 22, с. 34, п. 81). Суд также признал, в контексте дела *Энгель и другие* автономию понятия “уголовный” в смысле статьи 6 п. 1 (см. вышеупомянутое решение по делу *Энгель и другие*, с. 34, п. 81). То же самое Суд признал, хотя и имплицитно, в отношении понятия “гражданские права и обязанности” (см. вышеупомянутое решение по делу Рингейзена, с. 39, п. 94).

Суд подтверждает эту позицию применительно к настоящему случаю. Поэтому он полагает, что этот же принцип автономности применим и к рассматриваемому вопросу; всякое иное решение может привести к результатам, несовместимым с задачами и целью Конвенции (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу *Энгель и другие*, с. 34, п. 81).

89. Придя к выводу, что понятие “гражданские права и обязанности” является автономной, Суд тем не менее не считает, что в данном контексте законодательство государства-ответчика не имеет значения. Будет ли право рассматриваться как гражданское в смысле Конвенции, зависит не от его юридической квалификации во внутреннем законодательстве, а от того, какое материальное содержание вложено в него этим законодательством и какие последствия оно связывает с ним. Осуществляя свою контрольную функцию, Суд должен принимать в расчет задачи и цели как Конвенции, так и правовых систем государств-участников (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу *Энгель и другие*, с. 35, п. 82).

90. Правительство представило дело так, что статья 6 п. 1 охватывает частноправовые споры в традиционном смысле, т. е. споры между частными лицами или между частным лицом и государством в той мере, в какой последнее действует как субъект гражданского права; в остальные споры между индивидом и государством, выступающим в качестве носителя публичной власти, должны быть исключены из сферы действия этой статьи.

Относительно сферы применения статьи 6 п. 1 Суд в своем решении по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. указал: “для того, чтобы статья 6 п. 1 была применима, не обязательно, чтобы обе стороны спора были частными лицами... Формулировки статьи 6 п. 1 значительно шире; французское выражение “споры о правах и обязанностях гражданского характера” охватывает любое разбирательство, результат которого имеет определяющее значение для частных прав и обязанностей. Английский текст, где говорится об “определении гражданских прав и обязанностей”, подтверждает такое толкование. Характер закона, на основании которого решается данный вопрос... и органа, на который возложены полномочия по его решению... не имеют поэтому большого значения” (с. 39, п. 94).

Если дело касается спора между лицом и публичной властью, не имеет решающего значения в каком качестве она выступила, как носитель гражданских прав или публичной власти.

Соответственно, решающим для квалификации спора как спора о гражданских правах, является сам характер права, ставшего причиной спора.

91. Суд напомнил, что заявитель, опротестовывая в административных судах Германии отданный компетентными властями приказ об отзыве у него разрешений на содержание клиники и занятие медицинской практикой, д-р Кёниг настаивал лишь на праве продолжать заниматься той профессиональной деятельностью, на которую он уже ранее имел необходимые разрешения. Если бы процедура рассмотрения дела в административных судах завершилась успешно для него, заявитель не получил бы новых разрешений: суды бы просто аннулировали решения об их отзыве, принятые высокими должностными лицами Висбадена и Дармштадта (см. статью 42 германского Административно-процессуального кодекса).

Поэтому Суду необходимо лишь установить, носит ли право д-ра Кёнига иметь частную клинику и заниматься медицинской практикой гражданско-правовой характер в смысле статьи 6 п. 1.

92. Суд отмечает, что в Федеративной Республике Германии содержание частной клиники является в определенной степени коммерческой деятельностью с целью извлечения дохода; германское право квалифицирует ее как “прмысел” (“Gewerbe”). Эта деятельность осуществляется в частном секторе на основе договоров между клиникой и ее пациентами и напоминает осуществление частного права, в чем-то приближающемся к праву собственности. Частные клиники, разумеется, находятся под контролем властей, осуществляемым в общественных интересах для охраны здоровья. Такой контроль в общественных интересах, как правило, осуществляется в государствах — членах Совета Европы во всех сферах частной профессиональной деятельности и не может сам по себе служить основанием для вывода, что содержание частной клиники является деятельностью в сфере публичного права. Деятельность, относимая правом государства к частноправовой, не превращается автоматически в публично-правовую по той причине, что на ее осуществление выдается административное разрешение и что она осуществляется под контролем, вплоть до отзыва разрешения, если это требуется в интересах общественного порядка и обеспечения здоровья населения. Суд напомнил в этом контексте дело Рингейзена, где речь шла о контроле государственных властей за договорами купли-продажи между частными лицами: тем не менее Суд пришел к выводу о гражданско-правовом характере спорного права (см. вышеупомянутое решение с. 39, п. 94).

93. В Федеративной Республике Германии медицинские профессии традиционно относятся к свободным профессиям; более того, законодательство о врачебной деятельности особо подчеркивает это (см. п. 20 выше). Медицинская профессия не относится к государственной службе: получив разрешение, врач свободен решать, будет ли он заниматься практикой или нет, своих пациентов он лечит на основании договора. Конечно, помимо лечения своих пациентов практикующий врач, по определению вышеупомянутого акта, “обязан заботиться о здоровье населения в целом”. Ответственность медицинского сообщества перед обществом не меняет, однако, частного характера медицинской практики; эта ответственность, хотя и имеет большое социальное значение, является вторичной, как и в других профессиях, чей сугубо частный характер не ставится под сомнение.

94. В этих условиях не имеет значения, что в данном деле компетентными властями в осуществление государственных полномочий принимались административные меры. Не играет роли и то, что в соответствии с правом

заинтересованного государства вынесение решений по подобным делам возложено на административные суды. Единственное, что имеет значение, согласно статье 6 п. 1, так это то, что предметом рассмотрения в данных делах были права частного характера.

95. Поскольку права, затронутые решениями об отзыве разрешений и составляющие предмет разбирательства дел в административных судах, относятся к частным правам, Суд пришел к выводу о применимости статьи 6 п. 1 не считая нужным отвечать на вопрос — как соотносится понятие “гражданские права и обязанности” в смысле этой статьи с “частными правами”

96. В Комиссии заявитель, дополнительно утверждал, что фактически ему было предъявлено “уголовное обвинение” в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции. Комиссия, однако, отвергла это утверждение в своем решении относительно приемлемости жалобы.

Суд полагает, что подобная постановка вопроса заявителем исходит из тех же фактов, что и его утверждение о гражданско-правовом характере его судебных дел. Соответственно это не отдельная жалоба, а лишь иная форма юридической аргументации. Суд может рассмотреть любую правовую проблему, возникшую в ходе рассмотрения переданного ему дела, изучить фактические обстоятельства дела представленные ему заявителем и Комиссией и дать им правовую оценку, если сочтет это необходимым (решение от 23 июля 1968 г. по существу дела “*О языках Бельгии*”. Серия А, т. 6, с. 30, п. 1; решение по делу *Де Вильде, Омс и Версип против Бельгии* от 18 июня 1971 г. Серия А, т. 12, с. 29, п. 49; решение по делу *Хендисайда* от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 20, п. 41; решение от 18 января 1978 г. по делу *Ирландия против Соединенного Королевства*. Серия А, т. 25, с. 63, п. 157).

Однако Суд не считает нужным выяснить, должна ли статья 6 п. 1 быть применена в данном деле в аспекте “уголовного обвинения”. Хотя статья 6 не столь требовательна в отношении гражданско-правовых споров в сравнении с уголовными делами, это различие в данном случае не имеет значения: на все охватываемые статьей 6 виды судебных разбирательств распространяется требование “разумного срока”, соблюдение которого германскими судами и подлежит рассмотрению.

(b) О соблюдении статьи 6 п. 1 Конвенции

97. По мнению Комиссии, продолжительность разбирательства, инициированного заявителем, в административных судах превысила “разумный срок”, о котором говорится в статье 6 п. 1 Конвенции. Представитель Правительства признала в Суде, что продолжительность этих разбирательств является серьезной проблемой. Более того, она упомянула некоторые предложения, обсуждаемые сейчас в Федеративной Республике Германии и направленные на то, чтобы ускорить разбирательство в административных судах. Хотя она и сомневалась в том, можно ли говорить о нарушении Конвенции в обстоятельствах данного дела, вопрос оценки разумности сроков она оставила на усмотрение Суда.

98. Суд, чтобы получить возможность прийти к решению, должен вначале уточнить период, который следует принимать в расчет в смысле статьи 6 п. 1.

По мнению Правительства и Комиссии, исчисление срока начинается с момента подачи жалобы в административный суд первой инстанции. Суд не разделяет эту точку зрения. В решении по делу *Голдера* от 21 февраля

1975 г. говорится: “Можно представить себе ситуацию... когда по гражданским делам в определенных обстоятельствах истечение срока начинается даже до обращения истца в суд” (Серия А, т. 18, с. 15, п. 32). Такая ситуация имеет место и в деле заявителя, он мог обратиться в компетентный суд лишь после рассмотрения в порядке предварительного производства в административных органах законности и целесообразности оспариваемых административных актов (статья 68 германского Административно-процессуального кодекса). Следовательно, в настоящем случае разумный срок, о котором говорит статья 6 п. 1, начинается со дня обращения д-ра Кёниг в эти административные органы.

Применительно к уголовным делам период, к которому применяется статья 6, охватывает, по мнению суда, все стадии судебной процедуры, включая обжалования (см. упомянутое выше решение по делу Вемхоффа, с. 26 и 27, п. 18 и 20; упомянутое выше решение по делу Неймайстера, с. 41, п. 19; решение по делу Делкурта от 17 января 1970 г. Серия А, т. 11, с. 13—15, п. 25 и 26). Эта установка, с чем согласно и Правительство, вполне применима к гражданским делам, в отношении которых статья 6 п. 1 также требует, чтобы при определении сроков учитывалась продолжительность рассмотрения дела в первой инстанции, в апелляционном или кассационном порядке.

99. Разумный срок разбирательства в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции оценивается, исходя из обстоятельств дела. Изучая разумность сроков уголовного процесса, Суд обращает внимание *inter alia* на сложность дела, поведение заявителя и движение дела в административных органах и судах (см. вышеупомянутое решение по делу Неймайстера, с. 42—43, п. 20—21; вышеупомянутое решение по делу Рингейзена, с. 45, п. 110). Суд, как и заявитель, полагает, что те же критерии применимы и в настоящем деле при рассмотрении вопроса о том, превысила ли продолжительность процесса в административных судах срок, о котором говорится в статье 6 п. 1.

100. Прежде чем приступить к рассмотрению данного вопроса, Суд хочет подчеркнуть, что в его функции не входит оценка административного судопроизводства в Германии, которая, как заявил представитель Правительства, имеет давние традиции. По-видимому, оно может показаться сложным по причине множества судов и средств защиты, но Суд осведомлен, что это объясняется достойной всяческой похвалы заботой об усилении гарантий прав личности. Только само государство может определять, нужно ли принимать меры по упрощению этой системы с целью выполнения требования статьи 6 п. 1 Конвенции.

(i) *Разбирательство по поводу отзыва разрешения на содержание клиники*

101. Разбирательство, которое началось 13 июля 1967 г. подачей заявителем возражения на отзыв разрешения (см. п. 28 выше), все еще не завершено: Административный апелляционный суд земли Гессен еще не вынес решения по поводу апелляции д-ра Кёнига на решение 4-й палаты Административного суда Франкфурта от 22 июня 1977 г.

102. Вызывает серьезную озабоченность, как и признало Правительство, что почти десять лет и десять месяцев нет решения по существу дела.

Суд разделяет точку зрения Правительства, что 4-я палата Административного суда столкнулась с большими трудностями, разыскивая тех свидетелей, которые за это время сменили имя или адрес (см. п. 30, 32, 35, 36, 37 и 41). Это, в частности, верно в отношении свидетеля Ксименса, которого палата смогла заслушать только тридцать три месяца спустя после первого

вызова в суд (см. п. 30, 32 и 35). Однако Правительство не утверждало, что данное дело поднимало исключительно сложные вопросы факта или права.

Суд видит определенную взаимосвязь между этим судебным разбирательством и делом, которое должно было рассматриваться во 2-й палате этого же суда по поводу отзыва разрешения заниматься медицинской практикой, поскольку деятельность заявителя как руководителя клиники сливается с его деятельности как практикующего врача. Однако это едва ли могло вызвать затруднения. Наоборот, 4-я палата располагает досье Регионального медицинского суда, который 14 октября 1970 г. признал д-ра Кёнига недостойным заниматься медицинской практикой (см. п. 16 и 30 выше). По этому вопросу Суд отмечает, что представитель Правительства полагала желательной более четкую координацию работы двух палат.

103. С другой стороны, Правительство придало большое значение поведению заявителя: по его мнению, д-р Кёниг чуть ли не наполовину лично ответствен за длительность разбирательства. Правительство привело в качестве примера частые смены адвокатов, использование различных форм обжалования, а также представление новых доказательств на различных стадиях процесса.

Неоднократная смена адвокатов, на что д-р Кёниг безусловно имел право, сказалась на длительности процесса, т. к. разным адвокатам неизбежно требовалось некоторое время, чтобы ознакомиться с материалами дела. Однако задержки, упомянутые Правительством, в совокупности не превышают нескольких месяцев (см. п. 36 и 46 выше). Суд также обратил внимание, что д-р Кёниг продолжал пользоваться услугами своего первого адвоката до 24 мая 1971 г., т. е. на протяжении почти четырех лет процесса (см. п. 33 выше).

Суд также считает, что некоторые задержки явились следствием различных жалоб, поданных заявителем. Однако Суд отмечает, что все они были сделаны после июля 1973 г., т. е. после шести лет разбирательства, и были поданы в то время, когда д-р Кёниг уже был в течение двух лет лишен разрешения заниматься медицинской практикой. Первая из этих жалоб, поданная министру юстиции земли Гессен в порядке административного надзора, относится к 22 августа 1973 г. (см. п. 39 выше); только два года спустя, т. е. 10 октября 1975 г., д-р Кёниг обратился — безуспешно — со второй такой же жалобой (см. п. 46 выше). Еще до вынесения решения по первой жалобе заявитель 19 октября 1973 г. обратился в Федеральный Конституционный Суд с жалобой на длительность судебных разбирательств. Наконец еще одна жалоба дисциплинарного характера была направлена д-ром Кёнигом председателю районного суда Хагена в апреле 1974 г., т. е. до завершения трех разбирательств в 1973 г. (см. п. 40 выше). Очевидно, что все эти наложения не облегчали задачи 4-й палаты, хотя только жалобы 1973 г. и 1975 г. влекли за собой по закону приостановку в строгом смысле слова судебной процедуры.

Суд склонен разделить точку зрения Правительства, что, представляя новые доказательства после того как свидетели были заслушаны, заявитель создавал трудности в расследовании дела. Из материалов дела следует, что после того, как суд определил состав свидетелей и впоследствии заслушал их, д-р Кёниг обратился с просьбами о заслушивании дополнительных свидетелей 24 сентября 1970 г., 12 февраля 1973 г. и 25 августа 1974 г. (см. п. 31, 36 и 42 выше); его первая просьба была сопряжена с условием, что он откажется от нее, если власти земли, со своей стороны, не будет выставять

дополнительных свидетелей (см. п. 31 выше). И наконец, хотя суд дополнил 30 марта и 16 августа 1973 г. первоначальный список свидетелей, по-видимому, только во втором случае это привело к новому предложению д-ра Кёнига о заслушивании свидетелей.

104. Обращая внимание на удивляющую продолжительность разбирательства, Суд рассмотрел ведение дела 4-й палатой во всех деталях.

Хотя Суд не может поставить палате в упрек то, что она настояла на заслушивании г-на Ксименса, или то, что спустя три года и семь месяцев она дополнила список свидетелей от 26 августа 1969 г., он отмечает, как это было сделано и Комиссией, что обмен встречными заявлениями, с которого началось разбирательство, продолжался до 2 апреля 1969 г., т. е. почти семнадцать месяцев. Помимо поиска адресов некоторых свидетелей и просьбы в профессиональный суд о высылке досье (см. п. 29 и 30 выше), первый шаг в расследовании дела не был сделан до 26 августа 1969 г., когда 4-я палата приняла решение о приобщении доказательств к делу (см. п. 30 выше). Комиссия справедливо подчеркивает далее, что палата ждала семнадцать месяцев, прежде чем обратилась к досье профессиональных судов, несмотря на тесную взаимосвязь рассматриваемого ею дела с процедурой отзыва разрешения на занятие медицинской практикой.

Истребование этих досье компетентными органами власти и судами, куда обращался с жалобами заявитель, вызвало значительную потерю времени (см. п. 30, 31, 35, 38, 39, 40, 41, 42 и 45 выше).

Следует также отметить, что 10 февраля 1975 г., т. е. по прошествии более семи лет после обращения, 4-я палата постановила отложить вынесение решения до получения результата рассмотрения дела, связанного с отзывом разрешения на занятие медицинской практикой, которое вот уже более трех лет ждало рассмотрения во 2-й палате этого же суда (см. п. 44 и 51 выше). Это решение было принято после того, как трижды приобщались к делу доказательства, представленные сторонами, и показания многочисленных свидетелей. По этому вопросу Правительство признало, что закономерно сомнения в правильности ведения судом расследования по данному делу. Европейский Суд так и не смог обнаружить, чего именно 4-я палата, которая в 1977 г. могла отклонить апелляционную жалобу заявителя на основании доказательств, собранных за период с ноября 1969 г. по август 1974 г. (см. п. 47 выше), ожидала от исхода дела, ждавшего рассмотрения 2-й палатой. В этой связи Суд напоминает, что процесс в этой палате был приостановлен 25 сентября 1973 г. в ожидании результата рассмотрения уголовного дела и возобновлен лишь 30 июня 1975 г. Суд пришел к выводу, что в этих условиях у 4-й палаты не было достаточных причин такого ведения процесса даже при помощи согласия заявителя (см. п. 44 и 46 выше).

105. Давая общую оценку всех этих факторов, Суд пришел к выводу, что задержки, вызванные трудностями дела и поведением заявителя, сами по себе не оправдывают длительность судебного разбирательства. У Суда сложилось мнение, что главная причина кроется в том, как велось дело. Суд установил, что у 4-й палаты была возможность завершить процесс раньше. Учитывая, что разбирательство началось 13 июля 1967 г. и завершилось 22 июня 1977 г., Суд пришел к выводу, что был превышен "разумный срок", предусмотренный статьей 6 п. 1.

Правительство подчеркивало, что жалоба д-ра Кёнига приостановила исполнение решения об отзыве разрешения содержать клинику (см. п. 28 выше) и что эта особенность процедуры благоприятствовала заявителю. Суд

признает, что приостанавливающее действие может повлиять на толкование понятия “разумный срок”. Однако в свете общей продолжительности разбирательства и длительной неуверенности, в которой пребывал заявитель, Суд не может по причине приостанавливающего действия жалобы отступить от той оценки срока, которая уже была им дана.

(ii) Разбирательство по поводу отзыва разрешения на занятие медицинской практикой

106. Разбирательство началось 18 мая 1971 г., когда заявитель обжаловал отзыв выданного ему ранее разрешения заниматься медицинской практикой. 2-я палата Административного суда Франкфурта вынесла решение 9 июня 1976 г., т. е. через пять лет, а Административный апелляционный суд земли Гессен — 2 мая 1978 г.

107. Хотя продолжительность этих разбирательств не столь велика, как длительность рассмотрения дела об отзыве разрешения содержать клинику, ситуация не представляется Суду менее серьезной.

Это дело не столь сложно, как то, что рассматривалось в 4-й палате Административного суда: 2-я палата не только столкнулась с меньшими трудностями по вызову свидетелей, судебный процесс был облегчен тем, что 14 октября 1970 г. Региональный медицинский суд объявил д-ра Кёнига недостойным заниматься медицинской практикой (см. п. 16 выше).

По поводу взаимосвязи этих двух дел, на чем и строилась аргументация Правительства, следует отметить, что это не порождало сложностей для 2-й палаты: напротив, она могла воспользоваться результатами 4-й палаты, разбирательство в которой шло уже почти четыре года с момента, когда д-р Кёниг оспорил отзыв разрешения заниматься медицинской практикой.

108. Поведение д-ра Кёнига в деле, рассматривавшемся 2-й палатой, в некотором отношении отличается от его поведения в 4-й палате.

Заявитель в первый раз сменил адвоката 12 февраля 1973 г., т. е. после шестнадцати месяцев разбирательства (см. п. 54 выше). Он направил две жалобы наряду с теми, в которых опротестовывались действия 4-й палаты: первую — 22 августа 1973 г., после почти двух лет разбирательства, вторую — 10 октября 1975 г. (см. п. 56 и 67 выше). Более того, д-р Кёниг подал три жалобы на нарушение его конституционных прав из-за длительности разбирательства: первую — 19 октября 1973 г., вторую — в апреле 1974 г., а третью — 10 июля 1975 г. (см. п. 58, 60 и 64 выше). До первой жалобы в Федеральный Конституционный суд он также жаловался на длительность разбирательства двух его дел в обращении в Комиссию от 3 июля 1973 г. Относительно способа представления своих доказательств заявитель, очевидно, действовал не так, как в отношении 4-й палаты.

Тем не менее поведение д-ра Кёнига вызывало задержки судебного разбирательства. Суд особо отмечает, что упомянутые Правительством задержки, которые происходили из-за смены адвокатов, выглядят в этом деле более значительными (см. п. 54, 62 и 67 выше).

109. То, что Административный суд Франкфурта не объединил дело об отзыве разрешения заниматься медицинской практикой с делом об отзыве разрешения содержать клинику, безусловно сказалось на продолжительности процесса в нем. Более того, Суд отмечает, что позже при апелляционном разбирательстве оба дела были поручены одной и той же палате Административного апелляционного суда Гессена.

110. Что касается ведения дела самой 2-й палатой, Суд отмечает, что она была мало озабочена его продвижением.

Первое заседание для заслушивания свидетелей и сторон было назначено только на 14 июля 1975 г. (см. п. 65 выше). Согласно имеющимся в Суде материалам, единственными шагами, предпринятыми 2-й палатой между 25 октября 1971 г. (дата обращения), и июлем 1975 г., были просьба от 2 ноября 1971 г. к властям земли представить соответствующие материалы и принятое в тот же день решение о том, что Региональное медицинское общество должно принять участие в разбирательстве (см. п. 52 и 53 выше). Предположительно 14 сентября 1972 г. Суд предложил сторонам заключить мировое соглашение, но менее чем через месяц д-р Кёниг отверг это предложение (см. п. 53 выше). Суд дополнительно отмечает, как это было сделано и Комиссией, что 2-я палата выжидала более десяти месяцев, прежде чем принять решение об участии в деле Регионального медицинского общества, хотя именно по его обращению началась процедура рассмотрения дел в профессиональных судах, что привело к отзыву разрешений (см. п. 16, 27, 49 и 53 выше).

Значительные задержки в рассмотрении дела были вызваны также тем, что материалы направлялись в административные учреждения и в суды, куда заявитель обращался с различными жалобами (см. п. 56, 58, 62, 64, 66 и 67 выше). В этой связи Суд напоминает о своих выводах по поводу разбирательства дела в 4-й палате (см. п. 104 выше).

Однако главная причина затянутости этого этапа заключается в приостановке процесса, решение о чем было принято 25 сентября 1973 г. и действовало до 30 июня 1975 г. — в ожидании окончания уголовного дела против д-ра Кёнига, возбужденного 27 июля 1972 г.

Хотя осуждение д-ра Кёнига могло иметь некоторое отношение к расследованию дела во 2-й палате, Суд отмечает, что обвинения против заявителя относились к событиям, произошедшим после отзыва разрешения заниматься медицинской практикой (см. п. 49, 51, 71, 72 и 78 выше). Палата несколько раз запрашивала о состоянии уголовного дела, но не сделала своевременных выводов из полученной информации. Суд отмечает, что 2-я палата узнала уже 16 февраля 1974 г. о том, что слушания в уголовном суде не начнутся ранее второй половины года; 8 мая уголовный суд подтвердил, что решение вряд ли будет вынесено ранее, чем через шесть месяцев, поскольку заявитель дал отвод одному из судей и была начата длительная апелляционная процедура (см. п. 59 и 61 выше). Несмотря на неопределенность, витающую над сроками окончания уголовного разбирательства, 2-я палата выжидала еще более года, прежде чем 30 июня 1975 г. приняла решение не ждать больше его результатов.

По мнению Суда, приостановка разбирательства дела 2-й палатой на срок свыше двадцати одного месяца с учетом обстоятельств дела была неоправданной.

111. При совокупной оценке различных факторов и учитывая, что от исхода разбирательства зависела профессиональная судьба д-ра Кёнига, Суд считает, что несмотря на задержки по вине заявителя, расследование дела велось неоправданно медленно.

Суд принял во внимание аргументы представителя Правительства о существовании предварительной судебной защиты. И действительно, заявитель дважды просил, один раз в 1971 г. и один — в 1974 г. о приостановлении отзыва разрешения заниматься медицинской практикой (см. п. 50, 62 и 63 выше). 2-я палата, а в последующем и Административный апелляционный суд Гессена отклонили эти жалобы мотивированными решениями. Более того, разбирательство по поводу второй жалобы продолжалось в целом более пят-

надцати месяцев. Суд не исключает, что подобная процедура могла сказаться на продолжительности срока основного разбирательства, и учитывает это. Однако ввиду отмеченных выше обстоятельств, это не может повлиять на общую оценку факторов, учитываемых Судом.

Соответственно, Суд считает, что в данном случае был превышен “разумный срок”, о котором говорит статья 6 п. 1 Конвенции.

2. О применении статьи 50 Конвенции

112. Согласно статье 50 Конвенции, если Суд установит, “что решение или мера, принятые” какими-либо властями Договаривающегося Государства, “полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры”, Суд, “если в этом есть необходимость”, предусматривает “справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

Регламент Суда уточняет, что когда Суд “устанавливает нарушение Конвенции, он должен в том же решении применить статью 50 Конвенции, если этот вопрос, после того как он был поставлен в соответствии со статьей 47 бис, готов для вынесения по нему решения; если вопрос не готов, [Суд] должен отложить его в целом или в части и определить дальнейшую процедуру” (первое предложение п. 3 статьи 50, в сочетании с п. 3 статьи 48).

113. На слушании 17 ноября 1977 г. Суд, действуя во исполнение статьи 47 бис, предложил участникам представить свои замечания о применении статьи 50 Конвенции в настоящем случае.

Из ответа г-на Бургера следует, что д-р Кёниг не требует компенсации “за весь ущерб, который он понес в результате перерыва в его работе как практикующего врача и руководителя клиники за период, который уже превысил десять лет”. Поэтому заявитель оставляет на усмотрение Суда оценку “любой компенсации, которой он мог бы ожидать согласно статье 50”, а также решение вопроса о том, должна ли такая компенсация “включать издержки на ведение дела” в Комиссии и Суде.

Представитель Правительства, со своей стороны, заявила, что она резервирует свою позицию.

114. Суд отмечает, что заявитель не требует компенсации за весь материальный ущерб, который он, очевидно, понес; Однако он ожидает получить справедливое возмещение, если Суд придет к выводу, что имело место нарушение Конвенции, не указывая в данный момент суммы своих требований.

Информация, предоставленная заявителем по этому поводу, и замечания представителя Правительства показывают, что вопрос о применении статьи 50 Конвенции не готов для принятия решения; таким образом, Суд должен отложить этот вопрос и вынести решение относительно дальнейшей процедуры.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* пятнадцатью голосами против одного, что статья 6 п. 1 применима к судебной процедуре об отзыве у заявителя разрешения иметь свою клинику;

2. *Постановил* четырнадцатью голосами против двух, что статья 6 п. 1 применима к судебной процедуре об отзыве у заявителя разрешения на занятие медицинской практикой;

3. *Постановил* пятнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 в отношении длительности судебной процедуры об отзыве разрешения иметь свою клинику;

4. *Постановил* пятнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 в отношении длительности судебной процедуры об отзыве разрешения на занятие медицинской практикой;

5. *Постановил* единогласно, что вопрос о применении статьи 50 не готов для вынесения по нему решения;

соответственно,

(a) *отложил* вопрос о применении статьи 50;

(b) *пригласил* представителей Комиссии передать в Суд в течение трех месяцев после вынесения настоящего решения возможные требования заявителя и свои замечания по ним;

(c) *принял* решение, что Правительство может дать ответ на эти требования и замечания в течение двух месяцев после того, как грефье сообщит о них Правительству;

(d) *отложил* определение дальнейшей процедуры по этому вопросу.

Совершено на французском и английском языках, французский текст является аутентичным, оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 28 июня 1978 г.

Герберт Петцольд
Заместитель грефье

Джорджио Балладоре Пальери
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 50 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ВИАРДА

Я разделяю мнение, изложенное в решении, за одним исключением, касающимся мотивов применения статьи 6 п. 1 Конвенции к процессу в Административном суде Франкфурта по делу об отзыве разрешений на содержание клиники и занятие медицинской практикой.

Согласно логике судебного решения, спор в этих делах шел по поводу права содержать частную клинику и заниматься медицинской практикой; и то и другое было классифицировано как права частного характера и на основании этого отнесены к гражданским правам в смысле настоящей Конвенции.

Я согласен с точкой зрения, что каким бы ни был объем понятия гражданских прав и обязанностей в смысле Конвенции, она в любом случае включает права и обязанности частного характера в их традиционном смысле; однако я не считаю, что право на содержание клиники и право на занятие медицинской практикой можно классифицировать в качестве прав частного характера в традиционном значении этого понятия.

По моему мнению, классификация субъективных прав зависит от классификации норм объективного права, которые служат источником таких субъективных прав.

По праву (объективному) Германии (субъективные) право на содержание частной клиники и право заниматься медицинской практикой зависит единственно от приобретения и сохранения разрешений, требуемых для этой цели по закону; однако условия, которые необходимо выполнить для приобретения и сохранения таких разрешений, определены в (объективном) публичном (административном) праве, а не в (объективном) частном праве. По этой причине я полагаю, что эти права следует классифицировать не как гражданские, а как публичные права.

Это не означает, что я не могу согласиться с окончательным выводом Суда.

Согласно решению по делу Рингейзена, вопрос о том, считать ли спор, относящимся к “гражданским правам и обязанностям”, зависит не от характера законодательства, которое регулирует вопрос, не от характера органа власти, который наделен соответствующими полномочиями, а от характера прав и обязанностей, для которых исход судебного разбирательства имеет решающее значение.

По настоящему делу от исхода судебного разбирательства, которое д-р Кёниг инициировал в Административном суде Франкфурта, в решающей степени зависело, будет ли сохранен или восстановлен его статус собственника и управляющего частной клиникой, а также практикующего врача и сохранен либо восстановлен целый комплекс прав и обязанностей, сопутствующих этому статусу.

Этот комплекс прав и обязанностей носит смешанный характер. Публичное право играет некоторую роль, но, с моей точки зрения, область, регулируемая частным правом, преобладает. Д-р Кёниг как собственник клиники, пользовался соответствующими правами. Клиника, практика и пациенты являлись источником “благополучия”, что также носит частноправовой характер и схоже в некотором отношении с правом собственности. С правовой точки зрения управление клиникой и занятие профессиональной деятельностью осуществлялись посредством заключения договоров.

Отзыв разрешений, необходимых д-ру Кёнигу, чтобы продолжать руководить клиникой и заниматься профессиональной деятельностью, равносильны вмешательству, которое во многих отношениях лишает ценности данный комплекс прав и обязанностей, большая часть которого регулируется частным правом.

Предметом разбирательства в Административном суде Франкфурта была обоснованность отзывов, лежащая в основе этого дела.

По этой причине я считаю правоммерным классифицировать рассматриваемое дело как включающее “гражданские права и обязанности” в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАТШЕРА

А. На данный момент я не в состоянии предложить всестороннее общее определение понятия “гражданских прав и обязанностей” в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции. Однако я хотел бы попытаться объяснить причины,

которые мешают мне, к моему большому сожалению, согласиться с тем определением этого понятия, которое дал Суд, хотя только применительно к данному делу.

Я полагаю, что в качестве исходной позиции сама формулировка статьи 6 п. 1 не является ясной и недвусмысленной. Чтобы понять ее значение, нужно обратиться к методам толкования, принятым в международном праве.

Буквальное, грамматическое толкование не уведет нас далеко.

Историческим предпосылкам появления статьи 6 посвящено множество работ. Они показывают, что извлечь из подготовительных работ каких-то специальных и конкретных представлений о сфере действия статьи 6 нельзя.

Позиция (высказанная в решении по делу Рингейзена и повторенная в п. 90 настоящего решения), согласно которой сопоставление двух официальных текстов может дать определенную ориентацию правильному толкованию, никак не подтверждена содержанием Конвенции.

Телеологическое толкование, на котором, по-видимому, главным образом строится (хотя об этом и не говорится) настоящее решение, ограничено самой системой Конвенции. В основе такого толкования лежит идея, что Конвенция призвана защитить человека от власти и предоставить ему определенные гарантии в отношении последней. Это означает, что Конвенция подлежит применению, когда под вопрос ставится положение индивида в отношениях с властью. Однако для того, чтобы вывести из данного принципа конкретные выводы, надо прежде всего доказать, что имеется некое право, которое призвана гарантировать Конвенция; в противном случае существует опасность выйти за пределы телеологического толкования и легкомысленно оказаться в области законодательной политики.

Мотивация решения не доказывает, что статья 6 п. 1 распространяется на правовое положение заявителя по настоящему делу.

Решение начинается с подтверждения принципа “автономного” толкования терминов международной конвенции в целом и понятия “гражданские права и обязанности” в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции в частности. Это принцип с которым я полностью согласен (хотя должен сказать, что не считаю определение, данное Судом, свободным от двусмысленности). С моей точки зрения, автономное толкование означает прежде всего, что положения международной конвенции нельзя толковать единственно путем ссылки на тот объем, который они имеют во внутреннем праве заинтересованных Договаривающихся Государств; скорее следует исходить, “во-первых, из целей и системы Конвенции, а во-вторых, из общих принципов, которые выводятся из совокупности национальных правовых систем” (решение Суда Европейских сообществ от 14 октября 1976 г.). Иначе говоря, за рассматриваемыми положениями следует искать “общий знаменатель”, т. к. при отсутствии легального определения в тексте самой Конвенции правомерно предположить, что таков смысл, который хотели придать этим положениям Договаривающиеся Государства. Этот общий знаменатель можно найти путем сравнительного анализа внутреннего законодательства Договаривающихся Государств. Поэтому в результате такого исследования никогда не может появиться понятие, которое бы полностью отличалось от того, что принято в правовых системах этих государств. С моей точки зрения, принятое решение недостаточно учитывает это требование. Оно пришло к выводу, что статья 6 п. 1 Конвенции применима к настоящему делу, основываясь исключительно на двух типах доводов, которые я считаю весьма спорными:

1. Первый из них: деятельность медика, будь он практикующим врачом или директором частной клиники, носит частноправовой характер очевидно в силу того обстоятельства, что она сводится главным образом (с юридической точки зрения) к частноправовым отношениям с клиентами (п. 92 и 93 решения).

Однако этот довод, как мне кажется, смешивает особые отношения врача с его пациентом, которые без сомнения сфера частного права (если только врач, о котором идет речь, не является государственным служащим), с его профессиональным статусом, который независимо от того, касается ли он государственной службы здравоохранения или частной врачебной практики, регулируется (с теми или иными различиями) публичным правом в большинстве, если не во всех государствах.

Таким образом, когда Суд заявляет, что профессиональное положение врача следует классифицировать как сферу частного права в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции, то появляется такое понятие “гражданских прав”, которое не просто “автономно” в смысле настоящей Конвенции, но и не имеет основы в правовых системах подавляющего большинства Договаривающихся Государств.

2. Переноса выводы из решения по делу Рингейзена (Серия А, т. 13, с. 39, п. 94) на настоящее дело, Суд заявляет (п. 90 решения), что все случаи рассмотрения в судах дел, от исхода которых зависят частные права и обязанности, должны считаться спорами о гражданских правах в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции. С моей точки зрения, это слишком расплывчатое и чересчур растяжимое утверждение, чтобы делать из него точные выводы. Что в самом деле означает выражение “является определяющим для прав и обязанностей частноправового характера”?

В деле Рингейзена вывод, сделанный Судом из этого утверждения мне кажется приемлемым и, возможно, даже оправданным, т. к. в том случае разбирательство в Административном суде непосредственно влияло на частноправовой договор, и не имело иной цели.

В деле Кёнига ситуация принципиально иная: предметом разбирательства в административных судах были не частноправовые отношения между д-ром Кёнигом и его пациентами; судебные процессы не были предназначены “иметь решающее значение” для таких отношений (они оказывали на них лишь косвенное воздействие). Рассмотрение дел в административных судах касалось только профессионального статуса д-ра Кёнига как практикующего врача и директора частной клиники. (Аналогия между делами Кёнига и Рингейзена возможна была бы только в том случае, если бы последнее дело касалось статуса г-на Рингейзена как агента по недвижимости, чего не было.)

В этой связи и в противоположность тому, что, по-видимому, является мнением Суда (п. 91 решения), я не думаю, что (в том, что касается статьи 6 Конвенции) можно провести различие между выдачей и отзывом разрешения (заниматься медицинской практикой или содержать клинику). Профессиональный статус или режим экономической деятельности — это единое целое. Выдача и отзыв разрешения, необходимого для того, чтобы заниматься определенной деятельностью, являются лишь двумя конкретными сторонами такого статуса или режима: предоставление равносильно установлению того, что требуемые условия имеются, а отзыв — установлению того, что они более не существуют. С точки зрения качественной оценки оба они одинаково влияют на развитие частноправовой ситуации. У меня не сложилось впечатление, что авторы Конвенции намеревались подвести все дела

(споры) относительно ситуаций, несомненно регулируемых публичным правом, под статью 6 Конвенции только потому, что исход такого дела мог бы повлиять на частноправовые отношения лица, о котором идет речь. В любом случае в большинстве государств — участников Конвенции разбирательства по соответствующим делам организованы не по той формуле, которая предусмотрена в статье 6 (решение суда, публичное разбирательство, публичное объявление решения); это означает, согласно выводам, сделанным в данном решении, что все эти государства — даже обладающие высокоразвитыми системами судопроизводства по административным делам — оказались бы в ситуации, когда они не соблюдают требований статьи 6 со дня ратификации ими Конвенции. Мне представляется, что это беспорный довод в пользу исключения дел данного типа из сферы применения статьи 6 Конвенции.

Имеется еще одно спорное утверждение в дискуссиях относительно сферы, на которую распространяется статья 6 п. 1. Нередко утверждают, что лицо гораздо больше нуждается в процессуальных гарантиях, предусмотряемых статьей 6 п. 1, в делах, где стороной в споре являются органы власти, чем в делах, где он спорит со своими соседями. Однако трудно предположить, что Конвенция имела целью установить систему гарантий лишь для какого-либо одного из этих случаев.

Я бы объяснил эту ситуацию так: история права (по крайней мере континентального права) очень четко показывает, что принципы устного и публичного процесса решения гражданских дел независимым судом являются воспроизведением этих же принципов в уголовном процессе. Когда, начиная с Французской революции 1789 г. и во время охвативших Европу революций 1848 г., были провозглашены эти принципы, имелся в виду только уголовный процесс. Никто не пошел бы на баррикады, чтобы добиться устного и публичного судебного разбирательства по гражданским делам! Единственной причиной включения этих принципов в гражданский процесс — а нередко даже их гарантия в конституционных нормах — было следование образцу, принятому для рассмотрения уголовных дел. Более того, — и это также видно из опыта работы судов — важность этих принципов для гражданских дел всегда была относительно ограничена (хотя следует признать, что некоторые из этих принципов представляют особую ценность для гражданского процесса).

Я думаю, что надо учитывать все это, чтобы понять, почему авторы Конвенции не ограничили гарантии статьи 6 сферой уголовных дел, придав им однако первостепенное значение, — а распространили на всю сферу компетенции судов в государствах-участниках.

Я допускаю, что такое прочтение исторических параметров становления Конвенции ведет к относительно узкой трактовке понятия гражданских прав, но я полагаю, что это отражает *de lege lata* реальное значение и сферу действия статьи 6 п. 1.

Я не стал бы отрицать, что *de lege ferenda* распространение защиты прав личности и сопутствующих процессуальных гарантий также и на ее отношения с публичными властями является идеалом, к которому надо стремиться, особенно с учетом постоянного роста их вмешательств в права личности во всех областях. Признавая обоснованность этих ожиданий, Суд, чья задача состоит в том, чтобы обеспечить соблюдение прав, гарантируемых Конвенцией, свободен пользоваться широким толкованием этих гарантий (что он и сделал, справедливо на мой взгляд, по делу Рингейзена) до тех пор,

пока такое толкование остается в рамках самой Конвенции. С другой стороны, именно Договаривающимся Государствам принадлежит право пойти дальше, чем идет Конвенция, если они сочтут это необходимым и согласятся внести в нее поправки.

Возможно, соображения *de lege ferenda* и размышления о возможных последствиях слишком широкого толкования гражданских прав выходят за пределы судебного решения (или, если быть более точным, особого мнения). Тем не менее я бы хотел сделать несколько кратких комментариев.

У меня есть сомнения относительно полезности неизменного использования процедуры, полностью соответствующей требованиям статьи 6 п. 1 Конвенции, в многочисленных случаях, которые, если продолжать следовать линии, установленной Судом в настоящем деле, попадали бы под квалификацию дел о “гражданских правах” (выдача различного рода разрешений и лицензий, в той мере, в какой они порождают гражданские права). Для некоторых из них (в особенности для дел о профессиональных или дисциплинарных нарушениях) такого рода процедура (публичная судебная процедура) вряд ли будет наилучшим образом соответствовать интересам заинтересованных лиц.

Я целиком согласен, что и в этих делах справедливое решение должно выноситься в разумные сроки в процедуре, которая дает заинтересованным лицам все возможности отстаивать свои права, и что решения компетентных властей (даже когда они носят административный характер) могут быть обжалованы в независимый орган (т. е. в суд). Однако я не вижу, почему рассматриваемая процедура должна неизменно соответствовать всем требованиям статьи 6 п. 1 (устному и публичному разбирательству, публичному оглашению решения).

De lege ferenda приведенные выше соображения потребуют, наверное, внесения предложений о пересмотре статьи 6 Конвенции, имея в виду провести следующее разграничение (что не позволяет нынешняя диспозиция этой статьи):

(а) уголовные и гражданские дела (т. е. дела, традиционно рассматриваемые судами); право на все гарантии, предусмотренные в статье 6;

(b) судебные споры по другим вопросам (административные дела): право на установленную законом процедуру, которая гарантирует справедливое участие сторон, вынесение решения в разумные сроки, право на судебное обжалование административных решений.

В. Проголосовав отрицательно по вопросам 1 и 2, было бы только логично, если бы я также проголосовал отрицательно по вопросам 3 и 4, как они сформулированы в резолютивной части судебного решения. Я бы хотел ясно сказать, что я разделяю единодушную точку зрения Суда, что в разбирательствах по делам об отзыве обоих разрешений и на содержание клиники, и на занятие врачебной практикой были превышен “разумный срок”, о котором говорит статья 6 п. 1 (в той мере, в какой эта статья может быть применена к настоящему случаю).

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНЕЙРО ФАРИНЬИ

1. Я не могу согласиться с рассуждениями Суда относительно двух пунктов мотивированной части решения и п. 2 постановляющей части.

2. Будучи согласен (п. 93 решения), что медицинская профессия в Федеративной Республике Германии числится среди свободных профессий традиционно; что в системе национального здравоохранения медицинская профессия не относится к публичной службе; что врач, который сам решает, практиковать ему или нет, предоставляет своим пациентам лечение на основе договора; что деятельность практикующего врача носит частный характер, я все же чувствую себя обязанным отметить что:

(а) в соответствии с национальным законом, практикующий врач обязан заботиться о здоровье каждого человека и общества в целом; он занимается свободной профессией, а не ремеслом или бизнесом;

(b) для того, чтобы иметь возможность практиковать на постоянной основе, требуется разрешение, выдаваемое соответствующими земельными службами. Это разрешение выдается по требованию, если заинтересованный индивид:

1...

2. не признавался виновным в поведении, свидетельствующем, что он не достоин занятия данной профессией,

3...

4...

(п. 20 решения);

(с) разрешение, которое было выдано, должно быть отозвано, если одно из этих условий либо не было выполнено при выдаче, либо перестало выполняться впоследствии;

(d) хотя одной из целей медицинской профессии является извлечение дохода, ее основная задача (а именно приходить на помощь людям) бескорыстна (п. 22 решения).

Держа в голове эти цитаты и вспоминая клятву Гиппократова, которую приносит врач, где есть, в частности, такие слова: “Пусть, пока я храню эту клятву, мне будет дано наслаждаться жизнью и практиковать искусство, которое уважается всеми и во все времена. Но если я преступлю и нарушу эту клятву, пускай иной станет моя судьба”, — я должен сделать вывод, о тотальном различии между содержанием клиники (ремеслом или бизнесом; п. 21 решения) и занятием медицинской практикой, где духовный элемент превалирует над материальным, т. к. “долг достоинства, бескорыстия и независимости, которому должны следовать члены свободной профессии, применим к врачам самым строжайшим образом” (Ж. Саватье, цитируется по *Encyclopedie Dalloz*, v. III, p. 425).

3. Относительно п. 95 решения я не могу согласиться с точкой зрения Суда по поводу отзыва разрешения заниматься врачебной практикой. Однако я хотел бы подчеркнуть, что я согласен с п. 94 и 95 решения в отношении отзыва разрешения на управление клиникой.

С моей точки зрения, право, которое затрагивается отзывом разрешения заниматься врачебной практикой, носит публичный, а не частный характер. Я не думаю, что в силу статьи 6 Конвенции можно провести различие между выдачей и отзывом разрешения.

Следует напомнить, что административное разбирательство не имело своим предметом какие-либо конкретные частноправовые отношения между д-ром Кёнигом и его пациентами, а только его общую пригодность заниматься врачебной деятельностью.

Так как публичное право принимает во внимание не действия как таковые, а цели, на которые они направлены, то и отзыв разрешения зани-

маться медицинской практикой не был направлен на регулирование конкретных отношений между д-ром Кёнигом и его клиентами (последние являются предметом частного права), а главным образом на охрану здоровья населения в целом, и т. к. административные власти установили, что д-р Кёниг более не выполняет некоторые требования публичного порядка, выходящие за пределы частного права, то я бы сказал, в отличие от Суда, что статья 6 п. 1 неприменима к разбирательству об отзыве разрешения заниматься медицинской практикой.

4. Я чувствую себя обязанным согласиться с решением большинства Суда о том, что статья 6 п. 1 применима в отношении разумного срока к разбирательству об отзыве разрешения на занятие медицинской практикой и проголосовал за это.

Расходясь с Судом по первому вопросу — применимости статьи 6 п. 1 Конвенции, я согласен с его окончательным решением и доводами в его обоснование.

Однако я хотел бы отметить специально, что я проголосовал бы за отсутствие нарушения Конвенции по причине неприменимости статьи 6 п. 1 к разбирательству о разрешении “практиковать”, если бы ранее не было принято решение о применимости.